

Юлия Шаманская

Милый белый свет

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-97
ББК 84-4
Ш19

Ш19 **Шаманская Ю.**
Милый белый свет / Юлия Шаманская – М.: Lennex Corp, — Подготовка ма-
кета: ООО «Книга по Требованию», 2013. – 410 с.

ISBN 978-5-458-62749-8

Юная Лилия очутилась в инвалидной коляске. Респубктабельная Наталья предстала перед судом за убийство. Красавицу Елизавету вынули из петли. Григорий навсегда потерял любимую жену. Все это не кара Господня, а второй шанс, используя который, герои сборника «Милый белый свет» сумели родиться для Вечности.

ISBN 978-5-458-62749-8

© Lennex Corp, 2013
© Ю. Шаманская, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕСНОЙ ЖИТЕЛЬ	5
МИЛЫЙ БЕЛЫЙ СВЕТ	82
ФОРТУНА В ЛОХМОТЬЯХ	148
ПРЕЛЕСТЬ, КАКАЯ ДУРОЧКА	243

ЛЕСНОЙ ЖИТЕЛЬ

повесть

Глава 1

Молодой мужчина с тонкими правильными чертами лица и темной окладистой бородой, согнувшись под тяжестью туристского рюкзака, топал через бесснежное заброшенное колхозное поле. Его светлые глаза со слипшимися и покрытыми инеем ресницами вглядывались в темнеющую на горизонте полоску леса. Время от времени он останавливался и сверялся со спутниковым навигатором. «Да, все правильно, с пути не сбился, но почему вожденный лес все не приближается, так, глядишь, и не успею к темноте», - тревожился путешественник. И все больше скимая брови и краснея от натуги, возобновлял попытки прибавить ходу. Его целью был небольшой деревянный сруб, затерянный посреди белорусского леса, и принадлежавший Свято-Алексеевскому скиту, где он в данный момент числился послушником.

Отшельничать послушник Григорий не напрашивался, поэтому сейчас мог спокойно шагать по замершему полю к страшной неизбежности без «искушений». То есть, в отличие от других, желающих порвать с миром, он не рвался в подвижники, и обвинять себя было не за что. Спокойствие духу прибавляло то, что он отправился в опасный путь не по своей человеческой воле, а по благословению, а значит, если и погибнет, то исключительно по воле Божьей.

Последний раз человеческое жилье Григорий видел пять часов назад. Это была полуразрушенная деревушка, с покосившимися домишками, так что странным казалось, что в ней живут люди. Из сараев раздавалось мычание ко-

ров и квохтанье кур, но человека он не встретил на улице ни одного. Так и прошел в тишине. Вышел. Перекрестился. И направился через поля к лесу, который тогда казался гораздо ближе, чем сейчас.

В монастыре Святых Равноапостольных Константина и Елены, которому принадлежал Свято-Алексеевский скит, Григория приняли с радостью. Он молод, приятной наружности, еще и голос у него оказался нехилый, как констатировал местный регент. У молодого послушника было высшее образование, к тому же нужная городскому монастырю специальность. По профессии Григорий программист, а настоятель монастыря отец Тимофея задумал организовать при монастыре паломническую службу, и тут пришлась бы кстати Интернет-страничка. Конечно, для этой цели отец Тимофея приглашал мирского системщика, ну а свой - какая экономия! «Мне тебя сам Господь послал», - повторял настоятель, а Григорий смущался, ведь он совсем недавно сам боролся с компьютером и этим демоном современности «всемирной паутиной». Уволился с работы, вынес компьютер в гараж, не смотря на плачь сына, и причитания жены.

Жена. Ее карие глаза не покидали Григория не днем, не ночью. Ведь это из-за нее он по большому счету решил покинуть мир и уйти в монастырь.

Она была не готова, не поняла, не поддержала. А он был готов ждать ее «обращения» сколько угодно, но она сама бросила «ударившегося в религию» мужа, и сына забрала. Тогда Гриша стал перед выбором дальнейшего пути. Жениться на другой? Какой смысл, к тому же любит он только ее. Жить одному? Скучно и тоже бессмысленно. Лучше уж в монастыре с братией. Отдал тогда Гриша кота соседке, закрыл квартиру, забрал документы и пошел прощаться в ближайшую обитель.

Вечерело. Холодное небо то здесь, то там покрылось яркими всполохами заката, встречный ветер усиливаялся,

под надежными армейскими ботинками похрустывали льдинки, в лицо задувало мелким снежком. Лямки рюкзака еще утром такие удобные, стали давить на плечи, как кандалы. «Вот теперь чувствую монашеское житье, как в книжках, а то пришел в монастырь, а там мне прямо санаторий!» - вспоминал Григорий, пытаясь разогнуть озябшие в теплых рукавицах пальцы.

В монастыре к молодому послушнику сразу проявили всяческое внимание и гостеприимство. Настоятель стал хлопотать об устройстве его в семинарию и пророчил скорый постриг и быструю карьеру: «Вот увидишь, к сорока годам архимандритом будешь! Нам талантливые насельники нужны!». Братья тоже отнеслись к новому послушнику ласково. Все они были с хорошим характером и, в общем, не плохие ребята. Стариков в монастыре почти не было, по достижении пенсионного возраста монахов отправляли «на покой» в скит. В том скиту жил местный «старец» Герасим. Был он духовником монастыря и в частности духовным отцом настоятеля. Приходил в монастырь старец по Великим праздникам всегда пешком за несколько километров.

В один теплый осенний день, когда Григорий нес послушание на кухне, его срочно вызвали к настоятелю. Теряясь в догадках, послушник направился в «красную» келию, там он впервые и увидел отца Герасима. Внешность старца была очень необычна, один в один сказочный гном. Очень маленький, сбитый, с длинной коричнево-седой бородой, он серьезно буравил послушника взглядом. Сходство с гномом было настолько близким, что Григорий с порога, подскочил и перекрестился, шепча слова молитвы. Подумал было, что нечистый над ним смеется, мерещится.

Рядом с «гномом» стоял настоятель, лицо у него было явно расстроенное.

- Подойди, Григорий, возьми благословение у отца Герасима,- сказал он сурово.

Григорий подошел к старцу, подставил под благословение скрещенные руки и голову, хотя наклониться до его уровня рослому парню стоило труда. Затем так же подошел к настоятелю.

Благословив, отец Тимофея со вздохом объявил:

- Григорий, ты пойдешь с отцом Герасимом в скит, и будешь там подвизаться.

- Но батюшка...

- Не перечь! Такова воля Божья.

Григорий взглянул на расстроенного отца Тимофея, и на грозного старца и понял, чья это воля. Да, но зачем он понадобился отцу Герасиму?

В скит «к пенсионерам» Григория отправляли всем монастырем. Некоторые плакали. Говорили, зачем ты им там, что образованному парню там делать, коров доить? По очереди бегали к настоятелю монастыря просить за брата, но он всем отвечал неизменно:

«На то воля Божья!». В связи с последними обстоятельствами и учеба нового послушника откладывалась на неопределенное время. Все были смущены и расстроены, кроме самого Григория, который, кажется, о своем переезде скорбел меньше всех. Даже временами всплывала радость, предчувствие возможности избавится от чересчур душной любви и опеки, которую он ощущал, в оставляемом месте.

Глава 2

В скиту было много работы, настолько много, что и размышлять некогда. Но уютней. Никто его не превозносил, и не заставлял развивать свои «таланты», до которых послушнику по большому счету не было никакого дела. В скиту Григорий ощутил себя по-настоящему свободным. Он чувствовал безыскусность и настоящий смысл того, что он делает. Особенно нравилось ухаживать за старишками,

которые уже не могли о себе позаботиться. Даже ворчуны не раздражали послушника, он чувствовал, что делает, действительно, Божье дело. Любил он, и поговорить со старыми людьми, поспрашивать о прошлом, о войне. Так, бывало, заслушается Григорий старичка, и забудет про следующее послушание. Братья даже жаловались на него старцу, но он ничего, не ругал.

Григорий скоро привык к экзотическому виду старца Герасима, и он начал казаться ему большим человеком. Витязем русским. Таким, какою была его душа. Необычным человеком оказался их старец, удивительно храбрым и твердым духом. Видя это, Григорий с каждым днем проникался все большим уважением и доверием к старцу.

Именно к нему и приходил Григорий плакать. Он каялся, что не может забыть свою жену, свою Анну. Эта неразумная женщина все стоит у него перед глазами и зовет за собой.

-Что делать, батюшка?- рыдал Григорий у старца в ногах,- как мне избавиться от этого греха.

Отец Герасим гладил его высохшей рукой по голове, и приговаривал:

- Ничего не делай, Гриша, не бери в голову, Бог управит!

Как-то брат Пантелеймон, с которым они пилили и складывали дрова, спросил:

-Гриша, а почему тебя до сих пор не постригли?

-Не знаю,- ответил он, отвлекшись от работы.

-Так чего же ты молчишь? Заслужил уже, заработал!

-А что мне говорить, разве мне это решать?

-Ну а кому ж? Что о тебе все помнить должны? Пойдай прошение в канцелярию монастыря.

Так он и сделал. Оформил прошение на адрес монастыря и отдал его старцу.

Отец Герасим посмотрел на поданную бумажку, и сказал:

-Ты считаешь, что готов стать монахом?

- Как благословите...

- Хорошо, я пошлю эту бумагу в монастырь, после того, как ты вернешься.

- Вернусь куда? Вы меня отправляете обратно в монастырь?

-Нет, ты пойдешь, обустроишь мою «дачку» в лесу. Переживешь там зиму, весну, лето, а осенью вернешься и поговорим.

Про дачку эту Григорий был уже наслышан. Братья говорили, что так отец Герасим называет место в дремучем лесу, которое никто, кроме него не видел и не посещал. На этой «дачке», если верить монастырским преданиям, отец Герасим и просветился Духом так, что теперь все знает, и насквозь всех видит. Как услышал Григорий, что он его на «дачку» посыпает, так и усомнился в прозорливости старца. Туда же только крепкого монаха можно посыпать, почти святого, а от послушника Гриши еще «миропахнет». Думает ли отец, что делает?

Испугался за свои мысли, и понял, что как бы там не было, хочешь быть монахом - нужно слушаться.

- Отец, как же я найду в лесу дом?

-Я дам тебе карту и навигатор, не заблудишься и в темноте.

-Ну, уж по темноте то я не пойду, выйду засветло.

Ох, эта человеческая самонадеянность! Григорий подошел к месту, где начинался лес, когда сумерки уже объяли все небо, и оно утратило яркие краски. Светящиеся табло навигатора указывало направление. Послушник потянулся к боковому карману рюкзака и с трудом вытащил мощный фонарик. Луч осветил чащу: заросли тонких изогнутых деревьев, кустов, и пожухлую листву, устилающую землю под ними. Он еще раз протянул руку к рюкзаку и достал топорик.

Фонарь надел на лоб, в левую руку взял навигатор, в правую топорик и шагнул в лес. Пробирался осторожно, ощупывая ногами неровности почвы, и прорубая себе путь через кустарник. Стало совсем темно, зато не беспокоил ветер. Григорию было даже жарко, он чувствовал, как сильно бьется сердце, отдаваясь глухими ударами в висках, как стекает по спине пот. Он дергался и подпрыгивал от каждого звука, скрипа собственных сапог, звука обломавшейся ветки, даже от собственного свистящего дыхания. Он старался не думать и молиться. Длинные молитвы не выходили, путались. Получалось только «Господи, помилуй», эти слова Григорий начал повторять в слух все громче и громче. Чем глубже Григорий пробирался в лес, тем больше понимал, что ему откровенно страшно. И его мозг перестает понимать, что ему, Грише, хорошему парню, веселому сисадмину, любящему мужу и отцу приспичило ночью в зимнем дремучем Белорусском лесу? Месте, где обитают дикие кабаны и волки. Это их дом! А ему тут делать нечего, ему место дома перед компьютером. Григорий был близок к панике, он перестал кричать молитву, так как боялся звука собственного голоса, из его уст раздавался только свистящий шепот умолявший: «Господи, помилуй мя грешного!».

Наконец, он заметил, что прибор указывает окончание пути. Два кружка он и искомый объект совпали. Григорий остановился и оглянулся. Вокруг были густые кусты, никакого признака дома. Вот теперь к горлу стал подступать настоящий ужас. Григорий прекрасно понимал, что пути назад нет, если он пойдет сейчас, то непременно замерзнет в дороге. Даже если опять преодолеет этот кошмарный лес, то замерзнет в поле, тем более, что он так устал, что не в силах сделать и шага. Гриша понял, что попал в серьезную передрягу, он в растерянности сделал шаг вперед, почва ушла из-под ног, и путник покатился с пригорка, царапая лицо о ветви кустов, фонарик погас, но он

крепко держал его в руках. Когда Григорий, наконец, перестал катиться и включил фонарик, то понял, что путешествие, по крайней мере, пока, завершилось благополучно. Перед ним не что иное, как «дачка», и если бы было светлей, он бы сразу ее увидел.

Это был обычный грубый деревянный сруб. Похоже, что его, правда, построил один человек. Дверь оказалась не заперта, замка не имелось. Внутри было холодно и неуютно. В дальнем углу халабуды Григорий заметил очаг. Около него стояли два бревна, вероятно, служившие столом и стулом, все остальное убранство составляли разбросанные полуистлевшие тряпки. Нахodka дома открыла Григорию второе дыхание. Он резво набросился с топором на стол и стул и быстро все это разрубил, очистил очаг, наполнил его обрубками и полил из припасенной бутылочки зажигательной смесью, завершили композицию тряпки, собранные по всему дому и сложенные в очаг. Возле очага весьма кстати стоял, прислоненный к стене железный штырь. Григорий использовал его по назначению - провел дымоход, и только убедившись, что все в порядке, поджог камин.

В эту ночь он спал без сновидений. Только разобравшись с очагом, разложил спальный мешок, влез в него и захрапел, однако проснулся еще до рассвета, погасший камин остывал, а во все щели сруба дул холодный зимний ветер, задувая куцый пока что снежок. Григорий понял, что пока спать ему некогда. Он быстро оценил объем работ: замазать щели, заготовить дров, смастерить мебель, приспособить очаг для готовки пищи, утеплить пол, устроить хранилище для запасов еды, найти источник воды, и, наконец, сделать засов, так все-таки уютней будет.